

19. Постой войск // Сибирская жизнь. 1919. № 86. С. 3.
20. Аносов И.И. К «уплотнению» квартир // Сибирская жизнь. 1918. № 104. С. 1.
21. Жилищная политика // Сибирская жизнь. 1919. № 22. С. 1.
22. К выступлению чехов // Сибирская жизнь. 1919. № 153. С. 2.
23. К слухам о восстании в чешской армии // Сибирская жизнь. 1919. № 130. С. 1.
24. Аносов И.И. Об отношении к иностранцам // Сибирская жизнь. 1919. № 154. С. 1.
25. К уходу чехо-словаков из Сибири // Сибирская жизнь. 1919. № 196. С. 2.
26. Адрианов А.В. К уходу чехов // Сибирская жизнь. 1919. № 206. С. 3.

Для цитирования: Карпачев М.К. Жилищные реквизиции в Томске в 1918–1919 годах как фактор трансформации образа Чехословацкого корпуса // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 121–125.

© Карпачев М.К., 2021

УДК 93/94+908

ВЗРЫВ 1 АВГУСТА 1918 Г. В ОМСКЕ В ОБЗОРЕ ГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ

Елена Ивановна Каткова¹

Дмитрий Игоревич Петин^{2, 3}

¹ Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина.
Омск, Россия

² Исторический архив Омской области, Омск, Россия

³ Омский государственный технический университет. Омск, Россия

¹ sbolib@mail.ru

^{2, 3} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347,

Аннотация: В работе представлен аналитический обзор публикаций из региональной периодической печати, посвященных трагическому событию в Омске 1 августа 1918 г. – взрыву артиллерийских боеприпасов на Омской городской железнодорожной ветке. Данный инцидент ранее не получал освеще-

ния в историографии. Цель нашей работы – не претендуя на абсолютную полноту раскрытия вопроса, обозначить его для подготовки в будущем академическими специалистами обстоятельного исследования, базирующегося на широком круге источников.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Омская железная дорога, взрыв, 1918, халатность, белое движение, белая армия, белый Омск, повседневность, периодическая печать.

Постановка проблемы. К лету 1918 г. в условиях разгоравшейся полномасштабной Гражданской войны Омск, находившийся под контролем антибольшевистских сил, получил самый высокий в своей истории административный статус. Город стал столицей не только для белого востока России, формально его первенство признали и некоторые антисоветские политические режимы других регионов распавшейся империи Романовых. Жизнь военнореволюционного Омска в 1917–1920 гг. до сих пор является одной из наиболее популярных проблематик российской историографии, получившей на современном этапе значительное развитие с применением разнообразных методологических формул [См. об этом: 1–3].

При внимании историков к вопросу повседневности «третьей столицы» в указанный период и наличии обобщающих работ [См., напр.: 4–5] из внимания полностью выпала резонансная трагедия, имевшая место в окраинном районе Омска на грузовом дворе городской железнодорожной ветки 1 августа 1918 г. Предваряя повествование, подчеркнем, что, несмотря на стремительно выросшие тогда официальные позиции города, жизнь обывателя в Омске продолжала носить провинциальный характер. Поэтому описываемый случай справедливо можно назвать исключительным событием, всколыхнувшим сознание омичей.

Несколько слов стоит сказать о месте трагедии. Грузовой (товарный) двор городской железнодорожной станции располагался в полукилометре от южной границы черты города. Железнодорожную ветку, особо важную для обеспечения жизнедеятельности омичей проложили в 1903 г., соединив вокзал и деловую часть города. Железнодорожный путь ветки ограждался деревянным забором от дороги с одной стороны, а с другой находился берег Иртыша. На станционном дворе, имевшем необходимую инфраструктуру, разгружались составы, доставлявшие продовольствие, топливо, промышленные и иные товары. Ближе к реке располагалась пассажирская станция; движение по городской ветке от вокзала до центра Омска осуществлялось без остановок. В 1953 г. на месте опустевшей станции разбили сквер им. 30-летия ВЛКСМ [6].

Основная часть. Круг известных нам опубликованных источников, повествующих об изучаемом событии, крайне скуп. Единственное немногослов-

ное упоминание находим в записках С.И. Голошубина [7, С. 243]. О взрыве, произошедшем в третьем часу дня 1 августа 1918 г. первым из омских изданий на следующий день кратко сообщила газета «Заря», указав, что детали случившегося (причины, число жертв) пока выясняется. В заметке говорилось, что во всех зданиях, расположенных вблизи, были выбиты стекла [8].

Данные предварительного следствия гражданских и военных властей подробно представила упомянутая «Заря» в номере от 3 августа 1918 г. Заметка позволяет в общих чертах оценить масштабы произошедшего. Оказалось, что уже несколько дней производилась разгрузка вагонов с дымным порохом, направляемым на один из местных артиллерийских складов. К 1 августа 1918 г. остались неразгруженными 1–2 вагона. Утром этого дня здесь приступили к погрузке снарядов (тип и калибр не указаны – авт.) из грузовых автомобилей в вагон, который к вечеру должен был отправиться на фронт. Занимались погрузочными работами военнопленные-австрийцы. По показаниям оставшихся в живых рабочих в момент взрыва у поезда находился один грузовой автомобиль, из которого закончили выгрузку снарядов и начали грузить порох. «Есть основания предполагать, что взрыв произошёл благодаря неосторожному обращению рабочих-австрийцев с порохом. Один из офицеров <...> показал, что австрийцы при погрузке часто просто бросали ящики с порохом. <...> Силою взрыва автомобиль, производивший погрузку, разорван в куски. На том месте, где он стоял, образовалась воронка сажени три (6,4 м – авт.) в диаметре и аршина два (1,4 м – авт.) в глубину. <...> Несколько вагонов разнесло в щепки. Один скат колес вагона (вес порядка 300–400 кг – авт.), в котором, по видимому, находился порох, отброшен саженой на 10 (21 м – авт.), а другой заброшен на соседний вагон. Рельсы согнуты, как тростинки. Силою взрыва выбиты все окна и сорвано несколько дверей в здании управления ж.[елезной] д.[ороги] и городской ветки, у здания Яхт-клуба (ныне снесено, территория бывшего завода «Электроточприбор») вылетела часть северной стороны» [9].

Что касается человеческих жертв, то их точное число так не смогли выяснить: «Можно предполагать, что убитых не свыше 20–30 человек и ранено, не считая лёгких ранений стеклами, также несколько десятков человек. Число убитых подсчитывать чрезвычайно трудно. Несомненно, несколько человек, находившиеся в непосредственной близости от места взрыва, разнесено просто на атомы, другие, находившиеся несколько подальше, искалечены до неузнаваемости. Оторваны и обезображены головы, руки, ноги, вырваны внутренности. Силою взрыва эти части человеческих тел разметаны на большое расстояние. Так, на крыше бани Мариупольского (саженей 80 от места взрыва, 170 м – авт.) найдена голова одного из убитых» [9]. Число пострадавших могло быть гораздо больше; здесь стоит учесть, что место трагедии являлось относительно удалённым от плотно населённых кварталов Омска.

Несомненно, что большая разрушительная сила взрыва обуславливалась следующими факторами и обстоятельствами. Во-первых, взрывов, по очевидной логике, было несколько: первый при нарушении правил погрузки пороха или снаряда послужил причиной серии остальных. Во-вторых, при пожаре, возникшем от взрыва, произошла детонация неустановленного числа артиллерийских снарядов и емкостей с порохом, что при отсутствии высотных преград, на открытой местности усилило дальность разлета поражающих элементов, распространения ударной волны. В-третьих, наличие в непосредственной близости от места взрыва конструкций и предметов, изготовленных из металла и дерева, дополнительно увеличило и без того огромный поражающий эффект.

Событие закономерно породило в общественной среде различные (в том числе, политизированные) толкования. Как показывает публикация со страниц газеты омских кадетов «Сибирская речь» от 4 августа 1918 г., правые консервативные силы трактовали инцидент с присущей им антибольшевистской риторикой, уходя в конспирологические суждения и используя трагедию в идеолого-пропагандистских целях. «Взрыв 1-го августа, разрушения, растерзанные в клочья люди, которых, быть может, придется считать десятками, и раненые, которых, вероятно, несколько сотен – бедствие тяжкое. От еще более тяжкого бедствия город был спасен милостью случая, разумом и отвагою людей, ограничивших распространение огня. Естественны поиски причины несчастья. Но ее не так-то легко обнаружить. Все, что находилось вблизи взорвавшихся вагонов, было растерзано. Свидетели, ближайшие очевидцы — измельчены в такие жалкие лохмотья мяса и раздробленных костей, которые подбирались в кучи, прикрытые брезентами. Сами вагоны взлетели на воздух и от них остались погнутые, искорверканные тележки платформ. Загорелся ли автомобиль или бросали неосторожно опасный груз или заранее заготовленный для взрыва прибор исполнил свою задачу, если нашелся своего рода герой шпионажа, который пожертвовал собой для исполнения ценного замысла, — кто теперь может сказать с надлежащей определенностью? <...> улики в области обнаружения виновников взрыва неизбежно неустойчивы и невняты. Мы ни на минуту не должны забывать, что враги России – немцы и их верные друзья интернационалисты-большевики – зорко следят за происходящим в Сибири и ценят уничтожение каждого вагона военного снабжения борющихся против них бойцов. Поэтому было бы слишком самонадеянно полагаться на возможную неосторожность, как причину взрыва. Что случилось, то случилось, но необходимо принять все меры к обеспечению Армии на будущее время от подобных случайностей. Враг не дает пощады ни пленникам, ни детям, ни старикам, ни служителям церкви, идет на все средства разрушения и провокации. Враг исключительно опасен и бесчестен. Право и обязанность власти оградить Армию и население от происков такого врага не условными, но безусловными по действительности мерами борьбы <...>» [14].

Газета «Заря» от 9 августа 1918 г. сообщила, что согласно официальным данным при взрыве были тяжело ранены 18 человек, легко – 66, умерло от ран двое. Установить точное число убитых не представлялось возможным. Многочисленные разрозненные останки сложили в четыре гроба [15]. При просмотре метрических книг омских церквей, были установлены имена пяти погибших православных и двух католиков. Учитывая крайнюю степень тяжести ранений, полученных жертвами, а также условия летнего сезона останки были преданы земле буквально в ближайший день после взрыва [16, Он. 6. Д. 1382. Л. 621об.–622; Он. 11. Д. 124. Л. 218об.–219, Д. 125. Л. 530об.–531; 17, Л. 73–73об.].

Заявлений о диверсии, а равно каких-то иных публичных комментариев, официальные власти не делали, молчаливо «подтверждая» вывод о несчастном случае. Нельзя исключать и сознательного запрета на дальнейшее освещение следственных мероприятий. Это могло исходить лично от военного министра Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, который ревностно пресекал обсуждения прессой любых аспектов, ронявших имидж Сибирской армии [См.: 18–20]. Ужесточить внимание властей к прессе требовала и одна из директив по линии «омского» МВД, изданная в тот период [21, С. 185].

В конечном счете, следственные органы не нашли состава преступления в случившемся инциденте. Дело, возбужденное 1 августа 1918 г. Омским окружным судом с версией о том, что взрыв имел умышленный характер, в течение девяти месяцев вели поочередно три следователя². Но в итоге, к концу мая 1919 г. правоохранительные органы прекратили дознание, очевидно убедившись в том, что злого умысла и участия неких просоветских сил в этой истории не было. Причиной трагедии признали несоблюдение банальных мер безопасности (как например, курение рабочих при погрузке боеприпасов), а также халатность со стороны тех, кто контролировал этот процесс непосредственно, на грузовом дворе городской железнодорожной ветки [22, Л. 152об.].

Результаты исследования. Мы склонны считать, что активизация политической жизни в Омске осенью 1918 г., зиждившаяся на «салонном монархизме», попросту переключила внимание властей с трагедии, которая, несмотря на масштабы жертв, стала восприниматься как некое локальное происшествие. Есть убежденность, что детальное изучение следственных материалов, а также иных источников³, позволит уточнить новые подробности события⁴. Однако, что важно для общей оценки политической атмосферы Омска – даже исходя из обзора прессы, становится очевидным броская реакция консервативного крыла (как официальных властей, так и общественности), стремившегося использовать трагедию в своих интересах, заранее «обеспечивая» трактовку случившегося своей риторикой. В связи с чем, актуален тезис о критичном отношении исследователя к историческим источникам и умению снять налет идеологии, дабы увидеть истинные факты.

Примечания:

¹Владельцы Яхт-клуба в конце июня 1918 г. объявили о его открытии в обновленном виде: «Помещения клуба расширены и вновь отделаны, устроено электрическое освещение» [10]. Но уже меньше, чем через месяц вынужденно организовали «грандиозный вечер бал-кабаре», 25% от чистого сбора которого, планировали направить на «покрытие расходов по восстановлению разрушенного взрывом» строения [11]. Позже вновь не повезло и зданию Управления Омской железной дороги, когда почти половина стекол в его окнах была выбита после сильной снежной бури в середине февраля 1919 г. [12–13].

²Вторым из трех следователей являлся знаменитый Н.А. Соколов, передавший в начале 1919 г. ведение дела о взрыве, в связи с убийством в Екатеринбург для расследования убийства семьи Романовых.

³К примеру, как показывают общие академические тенденции, в том числе, текущий опыт работы омского историко-архивного сообщества, таким источником могут быть церковные актовые записи, материалы церковного делопроизводства и т.п., рассматриваемые в качестве источника по военной и социальной истории [23–27]. Это укладывается в общую парадигму междисциплинарного гуманитарного знания, в котором уверенно утверждается военная антропология [28].

⁴Так, известны устные свидетельства и фотография из частного архива, подтверждающие то, что еще в середине 1960-х гг. вблизи бывшего здания Омской железной дороги (ныне ОмГУПС) с северо-западной стороны стоял памятник (вероятно, кенотаф) братьям Косарчукам – двум мальчикам, погибшим при взрыве. В историографии (в том числе, в литературе по локальной истории) каких-либо упоминаний об этом памятном знаке не выявлено.

Список источников и литературы:

1. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей — антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.
2. Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.
3. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.
4. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 386 с.

5. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ. 2018. 240 с.
6. Алимова Л.И. Памятный сквер // Вестник культуры (Омск). 2015. № 1. С. 12.
7. Белоглазова Ю.Н. Из воспоминаний С.И. Голошубина // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 239–248.
8. Взрыв поезда со снарядами // Заря [Омск]. 1918. 2 авг.
9. Взрыв поезда со снарядами // Заря [Омск]. 1918. 3 авг.
10. В воскресенье 23 июня // Заря [Омск]. 1918. 23 июня.
11. [Объявление] // Заря [Омск]. 1918. 18 авг.
12. Буря в Омске // Сибирская жизнь [Томск]. 1919. 28 февр.
13. Ураган // Правительственный вестник [Омск]. 1919. 18 февр.
14. К взрыву 1 августа // Сибирская речь [Омск]. 1918. 4 авг.
15. Жертвы взрыва в Омске // Заря [Омск]. 1918. 9 авг.
16. ГИАОО. Ф. 16.
17. ГИАОО. Ф. 348. Оп. 2. Д. 26.
18. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.
19. Пученков А.С. «Одесский Наполеон»: из биографии А.Н. Гришина-Алмазова // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.). Омск, 2017. С. 282–291.
20. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073.
21. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
22. ГИАОО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 187.
23. Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» Церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 28–34.
24. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролага жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 1. С. 30–38.
25. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы гражданской войны: справочник-мартиролаг по актовым записям

метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 - декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

26. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

27. Сушко А.В. Сибирский Церковный Собор: опыт новейшей археологии // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 939–945.

28. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. мат-лов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.

Для цитирования: Каткова Е.И., Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске в обзоре городской прессы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 125–132.

© Каткова Е.И., Петин Д.И., 2021

УДК 93+930.23

СОЖЖЕНЫ ИЛИ СОКРЫТЫ? СУДЬБА ОСТАНКОВ НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ В ЗЕРКАЛЕ СЛУХОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Марк Андреевич Князев¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ kn.mark.nn@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ): 1454-3171

Аннотация: Впервые в историографии судьба останков погибших в 1918 г. в Екатеринбурге Николая II и его семьи рассматривается через призму слухов. Источниками исследования выступили материалы белогвардейского следствия о гибели семьи, советские мемуары, а также слухи, собранные в конце 1980-х гг. в среде екатеринбургских старожилов. Комплексный анализ слу-